

УДК 123.1

СВОБОДА КАК ЦЕННОСТЬ БЫТИЯ КАЗАКОВ

А.Б. Бакурадзе

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта» (РУТ (МИИТ)), Москва

В статье анализируются основные взгляды на происхождение казачества, как социальной общности, и обосновывается утверждение о том, что ценность свободы является одной из базовых ценностей бытия казаков. Автор делает вывод, что она проявлялась в «казацкой воле» и в уникальной системе казачьего самоуправления, которая была ориентирована как на организацию жизнедеятельности казачьих сообществ, так и на удовлетворение разнообразных социальных потребностей каждого казака и казачки. Доказывается, что превращение казачества в служилое сословие российского государства не внесло существенных изменений в уклад жизни казачьих станиц и хуторов, поскольку казаки по-прежнему признавали ценность свободы. При этом она сочеталась в мировоззрении казаков с ценностью общества и государства, что стало основой патриотической ориентации казачества.

Ключевые слова: казачество, казак, ценность, свобода, «казацкая воля», самоуправление, уклад жизни.

Казачество является сложной социальной общностью, оказывавшей в течении многих столетий значительное влияние на целостность и безопасность нашей страны, расширение и закрепление за российским государством значительной части его территорий, экономическую, политическую и духовную сферы жизни общества. Исторически казаки заселяли окраины России и охраняли ее от внешних врагов, демонстрируя высокий уровень патриотизма.

Анализ различных источников, прежде всего, по истории казачества позволяет сделать вывод, что к настоящему времени отсутствуют достоверные знания о том, когда и где конкретно впервые появились казаки как социальная общность [7; 21; 25]. Ряд исследователей считают, что казаки произошли от группы народов и народностей, как ныне существующих, так и исчезнувших. К числу первых относятся русские, украинцы, аланы, казахи, киргизы, татары, черкесы, а к числу вторых – скифы, половцы, хазары, бродники, черные клобуки, торки и ряд других, проживавших на территории Причерноморья, Поволжья, Северного Кавказа [1; 15; 20]. Развивая эти взгляды А.А. Гордеев указывал, что русское население Золотой Орды, которое поселилось на Дону и в Поволжье, является предками казаков [6].

В противовес этим идеям в советский период доминировала точка зрения, что казачество возникло как общность беглых от крепостной зависимости русских крестьян. Однако в 90-е гг. прошлого века эта позиция подверглась достаточно аргументированной критике [2; 16].

Объединяет описанные выше подходы то, что во всех них казачество рассматривается как воинская общность, ориентированная на защиту своих земель от внешней угрозы. Это предопределило онтологические и аксиологические основы такой общности. Поэтому следует согласиться с точкой зрения А.П. Комарова, который утверждает, что на формирование казачества как социального феномена оказали влияние две группы факторов:

- объективные факторы, обусловленные формированием российской государственности;
- субъективные факторы, предопределенные личными качествами и интересами выдающихся личностей, как казачьих атаманов, так и правителей российского государства, а также устремлениями тех или иных социальных групп российского общества [12, с. 26].

Воинская деятельность, как основной вид деятельности казаков, а также социально-политические предпосылки формирования и развития казачества, как социальной общности, предопределили ее духовные и материальные ценности. У казачества формировались специфические социальная структура и культура бытия, которые существенным образом влияли на взаимоотношения казаков с российской государственной властью – ей они всегда были готовы служить, признавая при этом для себя значимость «казачьей воли» и «народоправства», понимаемого как формы правления, при которой власть осуществляется непосредственно народом [22].

«Казачья воля» и «народоправство» могут рассматриваться как проявления ценности свободы. Анализ ее понимания казаками приводит к выводу о том, что свобода понималась ими как, прежде всего, способность к самостоятельному целеполаганию [4, с. 25]. Такое целеполагание не предполагает опоры на принуждение, которое в процессе бытия казачества воспринималось лишь как вынужденная мера в случае военной или иной необходимости. При преимущественно коллективном характере жизнедеятельности самостоятельное целеполагание ориентировало казака на достаточно высокую степень автономности, что позволяло органично сочетать в организации казачьего сообщества коллективистские и индивидуалистические начала.

Признание ценности свободы как системообразующей для казачьей общности предполагало горизонтальное распределение власти в ней и частое применение механизмов координации между казаками. При этом свобода, по своему определению, всегда вынуждает субъекта действовать в ситуации неопределённости, что побуждает его делать тот или иной выбор и нести за него ответственность, проявления чего подробно описаны в различных источниках, посвященных бытию казачества.

Ценность свободы, несмотря на региональные различия, присущие казакам различных российских территорий, во многом определяла общественную организацию, быт, идеологию, этнопсихологический уклад и поведенческие стереотипы казачества, которые существенно отличались от норм, принятых у соседних народов. Свобода стала аксиологической основой уникальной системы казачьего самоуправления, опыт организации которой может быть востребован и в настоящее время. Это

признается сегодня на высшем уровне государственного управления Российской Федерации. Так председатель Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества А.А. Серышев, отмечая важность опыта казачьего самоуправления, высказал мнение о том, что «...казачество имеет все основания предложить одну из моделей эффективного самоуправления в обществе» [18].

Каждое казачье войско было разделено на станицы, каждая из которых состояла из нескольких казачьих поселений, именованных хуторами. Площадь владения станицы представляла собой станичный юрт, а все казаки, живущие в юрте, входили в станичное общество.

Власть в станице и хуторе осуществлялась станичным и хуторским управлениями. В состав станичного управления входили станичный собор, станичный атаман, станичное правление и станичный суд. Аналогичным было и хуторское управление.

Станичный (хуторской) собор принимал все свои решения коллегиально. Они касались избрания на руководящие должности в станице и в хуторе; принятия решений по разнообразным экономическим вопросам, например, распределению земли между казачьими семьями, установлению общественных запасов, принятию мер по совершенствованию коневодства и земледелия, выдаче ссуд и развитию торговли; решения социальных вопросов: учреждению и развитию местной системы общественного призрения, школ и ссудо-сберегательных касс; определению размеров повинностей и заведению магазинами; разрешением жалоб и ходатайств по различным станичным (хуторским) делам.

Непосредственное руководство станицей или хутором осуществлял выборный атаман. Его помощниками были есаулы. Однако власть атамана не была единоличной. Все основные вопросы жизнедеятельности станицы или хутора решались на круге, который представлял собой общий сбор казаков, проводимый на площади, а зимой – в специальной станичной избе. Круг избирал станичное правление и подписных стариков – судей. К обязанностям последних относилось разрешение споров между казаками, наложение штрафов на нарушителей порядка, определение очередности нарядов на службу, созыв казаков в случае угрозы станице, объявление о совершенных казаками преступлениях и вынесение дел для судебного разбирательства, которое осуществлял круг.

Таким образом, можно сделать вывод, что жизнь казачества носила общинный характер, управление которой казаки, признававшие ценность свободы как ведущую ценность своей жизнедеятельности, осуществляли самостоятельно за счет хорошо организованной системы самоуправления. Другие группы населения России не имели столь развитой системы самоуправления.

Казачье самоуправление учитывало как потребность в координации действий казачества при осуществлении военной, экономической, политической, социальной и духовной деятельности, что предопределялось пониманием им свободы как осознанной необходимости, так и

предоставляло широкий объем прав членам казачьего сообщества, что создавало предпосылки для их самостоятельного целеполагания. К примеру, казаки, будучи «вольными людьми», в любой момент могли покинуть свой хутор или свою станицу, отправившись на поиски «добычи» или освоение новых земель. Последнее обстоятельство способствовало, благодаря ориентации казачества на ценность свободы, приращению к нашей стране значительных территорий Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, что превратило Россию в крупнейшее по площади государство мира. Заметим при этом, что подобное, мотивированное ценностью свободы, поведение было невозможным для представителей других сословий Московского государства.

Отмеченная выше ориентация на ценность свободы вызвала интерес идеологов анархизма к казачеству как силе, способной противостоять государству и достичь их идеала общества, основанного на развитой системе самоуправления и отрицании единоличной власти правителя [17; 19]. Так, признавая казаков носителями идеалов анархизма, анархисты-народники стремились активно действовать на территориях компактного проживания казачества [23, с. 163].

Рассматривая управление казачеством со стороны государства, следует отметить, что оно базировалось на аксиологических основаниях, также отличавшихся от оснований управления другими социальными общностями, включенными в социальную структуру России.

С момента появления казачества как социальной общности его взаимоотношения с российской властью носили двойственный характер. В Московском государстве они были организованы исходя из определенной суверенности казачества, которая определяла партнерский характер отношений, поскольку казаки и московская власть противостояли общим противникам и были союзниками. Очевидно, что в такой коалиции Московское государство являлось ведущим партнером, будучи более сильной в ресурсном отношении стороной. Об этом свидетельствуют регулярные поставки казакам московскими властями оружия и боеприпасов, продовольствия и денег, а также товаров, которые казаки не производили. Тем самым государственная власть была для казачества источником ресурсных ценностей [3], числу которых относились перечисленные выше ресурсы. В свою очередь, и казачество для Московского государства представляло собой ценный ресурс, прежде всего, человеческий.

О достаточной степени свободы в отношениях государства и казачества свидетельствует тот факт, что все сношения между Московским государством и казаками осуществлялись через Посольский приказ аналогично сношениям с иностранными государствами. Таким образом фиксировалась политическая независимость казачества от государственной власти.

Однако не всегда интересы Московского государства и казачества совпадали. В таких случаях они переставали быть партнерами и ценными ресурсами друг для друга, о чем свидетельствуют события Смутного времени и антиправительственные выступления XVII в., наиболее мощным

из которых было восстание под руководством С. Разина. Анализ источников показывает, что перманентное недовольство московской власти вызывало бегство многих крепостных крестьян в территории, заселенные казаками, где сбежавшие крестьяне теряли свой статус крепостных.

Недостаточность ресурсов, необходимых для обеспечения самостоятельной жизнедеятельности социальной общности казаков, с одной стороны, и потребность в подчинении казачества, которую испытывало Московское государство, с другой стороны, привели к принятию казачьими войсками присяги на верность российскому престолу. Это превратило казаков из добровольных союзников в подданных русского царя с потерей ими полной политической власти взамен гарантированного получения необходимых для существования на границах Московского государства материальных, финансовых, военных и прочих ресурсов. Безусловно, не все представители казачества стремились к приобретению статуса подданных российского престола и потере «казачьей воли», о чем свидетельствует уже упомянутое восстание под предводительством С. Разина. Однако для значительной части казачества обладание указанными выше ресурсами, предполагающее получение гарантированной поддержки от царской власти за службу ей, оказалось значимее. Таково аксиологическое обоснование постепенного превращения общности казаков в одно из сословий российского общества.

С XVIII в. государство регламентировало жизнь казачества, изменяя в нужном для себя направлении традиционную систему казачьего самоуправления, которая превратилась, сохранив многие свои формальные институты, в часть административной системы Российской империи. Данный процесс начался в период правления Петра I, который упразднил выборность войсковых атаманов и ввел институт назначаемых императором наказных атаманов [10]. Вместе с тем следует признать, что аналогичного наказным атаманам «промежуточного» звена между государственной властью и казачеством другие социальные группы населения России не имели, что выделяло казаков из общей массы подданных империи и свидетельствовало об определенном признании властью значимости для них ценности свободы.

После разгрома войск Е. Пугачева и ликвидации Запорожской Сечи казаки лишились последних остатков своей «вольницы», а в 1798 г. на основании указа императора Павла I все казачьи офицерские чины были приравнены к общеармейским с получением их обладателями дворянских прав [8]. Таким образом, власть обеспечила верхушку казачества дополнительными ресурсами, которые давала принадлежность к дворянскому сословию, взамен на дальнейший отказ казаков от «вольностей», культивируемых ценностью свободы.

Однако, потеряв политическую свободу на уровне своей общности в целом, казаки сохранили свое уникальное самоуправление и остались верны ценности свободы на бытовом уровне, что проявилось в их укладе

жизни. Прежде всего, это касалось семейного уклада, в котором сочетались патриархальность со свободой мышления и проявлением активности [11, с. 74]. Однако условием проявления таких свобод была ориентация на благо общества: российского государства, казачьего сообщества, семьи. В результате такого сочетания, казалось бы несочетаемых ценностных оснований, казачья семья превратилась в уникальное социокультурное образование, аналогов которому нет и не было в мировой практике.

Так в казачьей семье женщина находилась на фактически равном положении с мужчиной. Это положение определялось ее ролью хранительницы дома и предоставляло ей значительную свободу в действиях, связанных с ведением хозяйства, воспитанием детей, взаимодействием с окружающими. Обладание женщиной навыками самостоятельности было особенно важно во время походов, когда значительная часть мужчин покидала свои станицы и хутора. Безусловно, свобода женщины ограничивалась определенными христианскими и казачьими традициями, в чем проявлялось патриархальное начало жизни казачьего общества, однако предоставляло существенный простор для самоактуализации женщины, ее самовыражению в типично женских социальных ролях.

Дети в казачьей семье рано становились равноправными участниками жизнедеятельности. Так, примерно с двенадцати лет казачонку разрешалось посещать круг и иные значимые для казаков мероприятия, что давало ему возможность изучить и принять принципы жизни казачьей общины, почувствовать свою значимость для нее. По личной готовности молодого казака включали в состав охотников и допускали до участия в военных сборах, при этом отношения неравенства между ним и опытными казаками не допускались. Достаточно рано к хозяйственным делам приучали и девочек-казачек, предоставляя им достаточно большой простор для проявления личной инициативы в разнообразных делах.

Таким образом, уклад казачьей семьи способствовал укоренению ценности свободы в сознании казачества, что во много определяло специфику мировоззрения казаков. Вместе с тем, ценность свободы для казака тесно переплеталась с ценностью общества: российского государства и общинной организации казачества. Как отмечал один из лидеров казачьей эмиграции первой половины XX в. В.Г. Улитин: «Воля-вольная для казака – самый надежный источник мужества... Воля – это не узко-социальная свобода Запада, а достоинство, независимость и самое главное ответственность: не анархия, а железная дисциплина верности воле своего народа» [24]. Это означает, что свобода понималась казаками не только как самостоятельность, но и ответственность, долг перед обществом. Поэтому Б. Кременской сформулировал суть казачьей идеи следующим образом: «Отстаивание своих прав и высокое понимание своего гражданского и воинского долга – выполнение не наученного, а добровольного долга, самообязательная воинская доблесть, признание равенства между собой и государственный инстинкт» [13, с. 9–10].

Сочетание ориентации на ценности свободы и общества, порядок в котором устанавливает верховная власть, предоставляющая одновременно с этим и свободу казакам, укоренилось в сознании многих поколений казачества. Этим объясняется феномен поддержки казаками московских царей, российских императоров, советской и современной российской властей. В своей ориентации на свободу казачество никогда не отделяло себя от российского государства, а патриотизм всегда являлся одной из ключевых характеристик мировоззрения казаков. Это позволяет рассматривать его наличие как фактор, способствующий укреплению российской государственности [5; 9; 14]

Происходящий в настоящее время процесс возрождения российского казачества в своей аксиологической основе также предполагает сочетание ценностей свободы и ответственности казаков за состояние российского общества. Поэтому логично, что данный процесс активно стимулируется государством.

Таким образом, ценность свободы, будучи одной из базовых ценностей казачества, исторически проявлялась в «казачьей воле» и в уникальной системе казачьего самоуправления, ориентированной как на организацию жизнедеятельности казачьих сообществ, так и удовлетворение разнообразных социальных потребностей каждого казака и казачки. Превращение казачества в служилое сословие российского государства не изменило уклада жизни казачества, которое по-прежнему признавало ценность свободы. При этом она сочеталась в мировоззрении казаков с признанием ценности общества и государства, что явилось основой патриотической ориентации казачества.

Список литературы

1. Абд-Ар-Раззак Самарканди. Места восхода двух счастливых звёзд и места слияния двух морей. // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / собр. и перев. Тизенгаузен В.Г.; обраб. Ромаскевич А.А., Волин С.Л. М.; Л.: Академия наук СССР, 1941. 489 с.
2. Алмазов Б.А. Мы казачьего рода. СПб: RME Group, 2012. 608 с.
3. Бакурадзе А.Б. Ресурсные ценности управления // Образование и наука. 2013. № 9. С. 43–55.
4. Бакурадзе А.Б. Ценности-цели и ценности-средства управленческой деятельности // Вестн. Москов. обл. о ун-та. Сер.: «Философия». 2015. № 1. С. 20–29.
5. Глуховский В.И. Государственная политика РФ в отношении российского казачества в течение 20-ти лет: итоги. URL: <http://www.apn.ru/publications/article28808.htm> (дата обращения 11.06.2019).
6. Гордеев А.А. История казачества. М.: Вече, 2007. 640 с.
7. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси (Вместо введения в русскую историю). - URL: https://www.royallib.com/book/ilovayskiy_dmitriy/raziskaniya_o_nac_hale_rusi_vmesto_vvedeniya_v_russkuyu_istoriyu.html (дата обращения: 12.01.2020).

8. Казаки // Военная энциклопедия. СПб.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911–1915. Т. 11. [Инкерман–Кальмар-зунд.] СПб., 1913. 326 с.
9. Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона. М.: Центр стратегических исследований религии и политики современного мира, 2017. 95 с.
10. Казачьи войска (Хроники гвардейских казачьих частей помещены в книге «Императорская гвардия»): Справочная книжка Императорской главной квартиры / под ред. В. К. Шенка, сост. В. Х. Казин. Репринтное издание 1912 г. СПб.: Альфарет, 2007. 500 с.
11. Комаров А.П. Базовые ценности российского казачества // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: «Философия». 2017. № 4. С. 72–80.
12. Комаров А.П. Ценности казачества и их влияние на социальные процессы в России: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2018. 153 с.
13. Кременской Б. Опыт обоснования казачьей идеи // Родимый край. 1964. № 54. С. 3–11.
14. Лазарев С.Е. Советская власть и казачество: трансформации взаимоотношений (конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Гражданин и право. 2016. № 11. С. 19–27.
15. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 234 с.
16. Мухин А., Прибыловский В. Казачье движение в России и странах ближнего зарубежья (1988–1994). М.: ЦИМО, 1994. 232 с.
17. Нечаев С.Г. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / ред. Е.Л.Рудницкая. М.: Археографический центр, 1997. С. 244–248.
18. Новая стратегия по казачеству будет направлена на его развитие и консолидацию. URL: http://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/naibolee_vazhnye/novaja_strategija_po_kazachestvu_budet_napravlena_na_ego_razvitie_i_konsolidaciju/174-1-0-5584 (дата обращения: 05.01.2020).
19. Письмо М.А. Бакунина к С.Г. Нечаеву // Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 527–569.
20. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2007. 448 с.
21. Савельев Е.П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Историческое исследование в трёх частях. Новочеркасск, 1915. 540 с.
22. Слобожанинов М. Народноправство и трудовое начало в исторических формах трудовых артелей. Репринтное издание, 1917 г. М.: Белые альвы, 2013. 48 с.
23. Смирнова В.К. Казачество и анархизм // Вестник Таганрог. ин-та имени А.П. Чехова. 2012. № 2. С. 162–167.
24. Улитин В.Г. Казачество в славном прошлом России. URL: <http://www.xx13.ru/kadeti/kazaki.htm>. (дата обращения: 27.12.2019).
25. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. - М.: ИИ-САН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, 1991. 320 с.

FREEDOM AS THE VALUE OF BEING IN COSSACKS WORLDVIEW

A.B. Bakuradze

Russian Open Academy of transport of the «Russian University of transport» (RUT (МИИТ), Moscow

The article analyzes the main views on the origin of the Cossacks as a social community and justifies the statement that the value of freedom is one of the basic values of life of the Cossacks. The author concludes that it was manifested in the «Cossack will» and in the unique system of Cossack self-government, which was focused both on organizing the life of Cossack communities and meeting the various social needs of each Cossack and Cossack woman. It is proved that the transformation of the Cossacks into the service class of the Russian state did not make significant changes in the way of life of Cossack villages and farms, since the Cossacks still recognized the value of freedom. At the same time, it was combined in the Outlook of the Cossacks with the value of society and the state, which became the basis of the Patriotic orientation of the Cossacks.

Keywords: *Cossacks, Cossack, value, freedom, «Cossack will», self-government, way of life.*

Об авторе:

БАКУРАДЗЕ Андрей Бондович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия, социология и история» Российской открытой академии транспорта ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта» (ПУТ (МИИТ), Москва. E-mail: bondovich@mail.ru

Author information:

BAKURADZE Andrey Bondovich – PhD, Professor, Professor of the Department «Philosophy, sociology and history» of the Russian Open Academy of transport of the «Russian University of transport» (RUT (МИИТ), Moscow. E-mail: bondovich@mail.ru